

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Кристина САРЫЧЕВА
(Тарту)

Стихотворение И. Ф. Анненского «Призраки»: к вопросу о подтексте

В рамках данной статьи нас будет интересовать подтекстовая структура стихотворения Анненского «Призраки». Оно является показательным в плане специфики включения «чужого слова» в лирическом тексте Анненского.

Стихотворение Анненского «Призраки» было опубликовано в составе его главного сборника «Кипарисовый ларец» 1910 г., дата его создания неизвестна. Это второе стихотворение подцикла «Трилистник весенний»¹, оно следует за стихотворением «Черная весна (Тает)» (1906) и предшествует стихотворению «Облака» (1907). Во всех трех стихотворениях действие происходит весной, что уже следует из заглавия подцикла; во всех стихотворениях подцикла развивается мотив расставания. Например, в стихотворении «Черная весна» речь идет о прощании с умершим. В стихотворении «Облака» лирический субъект наблюдает движение облаков, образ которых у него связывается с ушедшей молодостью: «Пережиты ли тяжкие проводы, / Иль в глаза мне глядят неизбежные, / Как тогда вы мне кажетесь молоды, / Облака, мои лебеди нежные!» («Облака»). Стихотворения «Призраки» и «Облака» объединены также мотивом призрачности (ср. «Зеленый призрак куста сирени / Прильнул к окну... / Уйдите, тени, оставьте, тени, / Со мной одну...» («Призраки»); «Только под вечер в облаке розовом / Будто девичье сердце забрезжится» («Облака»). Впервые вопрос о значимости композиции сборника «Кипарисовый ларец» поставил Р. Д. Тименчик в статье 1978 г. «О составе сборника «Кипарисовый ларец». «Последовательность трилистников как смысловое единство — проблема, встающая перед каждым исследователем Анненского»², — пишет он. В указанной статье также приводится более ранний план сборника, составленный не ранее 12 декабря 1908 г. и не позднее 31 мая 1909 г. Согласно ему, в

¹ И. Ф. Анненский. Стихотворения и трагедии. М., 1998, С. 131–132. Все стихотворения Анненского цитируются по указанному изданию.

² Р. Д. Тименчик. О составе сборника «Кипарисовый ларец». «Вопросы литературы», №8, 1978, с. 307–316.

«Трилистник весенний» были включены стихотворения «Черная весна», «В зацветающих сиренях» и «Призраки». Второе из них позднее не было включено ни в один из разделов и имеет еще одно заглавие «На закате».

Вслед за Фетом, канонизировавшим тему «весны», Анненский развивает ее в своей лирике. Тема «весны» развивается и во многих других стихотворениях Анненского (напр., «Май», «Весна», «Весенний романс», «Майская гроза», «Вербная неделя» и др.).

Обратимся к стихотворению «Призраки». Действие в нем происходит ночью. В первой строфе изображаются ночные явления, развивается образ теней, которые кажутся лирическому субъекту замкнутыми в этом мире, они не могут из него вырваться: «И бродят тени, и молят тени: «Пусти, пусти!» / От этих лунных осеребрений / Куда ж уйти?».

В окне лирический субъект видит куст сирени: «Зеленый призрак куста сирени / Прильнул к окну...». Он хочет прогнать тени, в этом «призраке куста сирени» он видит возлюбленную, с которой хочет остаться вдвоем: «Уйдите, тени, оставьте, тени, / Со мной одну». Далее следует описание этого образа: «Она недвижна, она немая, / С следами слез, / С двумя кистями сиреней мая / В извивах кос...».

Лирическому субъекту кажется, что призрак его в чем-то обвиняет: «Но и неслышным я верен пеням». Он хочет спуститься к ней в сад. Лирическому субъекту кажется все происходящее с ним бредом, он как будто бы не вполне осознает, что делает: «И, как в бреду, / На гравий сада я по ступеням / За ней сойду».

В пятой строфе «я», зная, что скоро наступит рассвет и образ возлюбленной исчезнет, чувствуя свою вину, обращается к ней: «О бледный призрак, скажи скорее, / Мои вины, / Покуда стекла на галерее / Еще черны».

И в последней строфе лирический субъект говорит о своей преданности призраку: «Цветы завянут, цветы обманны, / Но я, я — твой!». И завершается стихотворение описанием предрассветного пейзажа. «Я» с тревогой ожидает наступления зари, отсветы кажутся ему ранами: «В тумане холод, в тумане раны / Перед зарей».

Таким образом, в стихотворении развивается один из главных мотивов лирики и критической прозы Анненского — мотив совести.

Лирический сюжет стихотворения отсылает к широкой поэтической традиции таких текстов, где развивается лирический сюжет о явлении возлюбленной. Однако в данном случае она сужается мотивом совести, который позволяет соотнести «Призраков» Анненского

с корпусом стихотворений Фета, многие из которых посвящены Марии Лазич.

Согласно Анненскому, человек замкнут в своем индивидуализме, мешающем ему преодолеть материальный мир, который смертен, и постичь вечный идеальный мир. Совесть же является способом освобождения от этой ограниченности. Анненский понимает совесть как способность испытывать сострадание, быть сопричастным мучениям других людей. «Свет — это наша совесть, — пишет Анненский в статье «Власть тьмы». — Он — в нас, он — тот нравственный закон, который чудесно вложен в нас нашим создателем. Совесть делает, т. е. она должна делать нас безжалостными к себе и терпимыми к другим. Мы должны помочь слабому одолеть все соблазны, но помнить при этом, что и для него, для этого слабого, единственная возможность быть добрым это — дать простор действию того нравственного закона, который есть в его сердце, как и в нашем. Если мы будем противиться творимому людьми злу, то рискуем только усилить это зло, озлобив нашего противника»³ («Книга отражений», 1906).

Эту же идею он излагает в статье «Белый экстаз (Странная история, рассказанная Тургеневым)» («Вторая книга отражений», 1909).

В лирике Анненского проблема совести представлена в стихотворениях «В дороге» («Тихие песни», 1904), «Дети» (КЛ, 1910), «Старые эстонки», «К портрету Достоевского».

В большинстве случаев мотив совести у Анненского связан с социальной тематикой, но в то же время размышления связаны не только с реально-бытовым миром, они являются также поводом к размышлению о мире идеальном.

В интересующем нас стихотворении мотив совести связан с любовным переживанием «я», с чувством вины за то, что ему пришлось расстаться с возлюбленной.

На уровне сюжетно-композиционной структуры стихотворение Анненского «Призраки» главным образом связывается с корпусом текстов Фета, посвященных Марии Лазич («В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (1851), «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?» (1854) «Неотразимый образ» (1856), «В благословенный день, когда стремлюсь душою» (1857), «Старые письма» (1859), «В тиши и мраке таинственной ночи» (1864), «Томительно-призывно и напрасно» (1871), «Ты отстрадала, я еще страдаю» (1878), «Alter ego» (1878), «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок» (1885),

³ И. Анненский. Власть тьмы // И. Анненский. Книги отражений. Л., 1979. С. 63–71.

«Долго снились мне вопли рыданий твоих» (1886), «Нет, я не изменил. До старости глубокой» (1887))⁴.

Все названные стихотворения объединяются развитием сходного лирического сюжета, где «я» находится в разлуке с возлюбленной (из одних текстов понятно, что она погибла, в других речь идет лишь о переживании разлуки) и в ночное время в состоянии полузабытья (сна или полусна) он видит ее облик (ср. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты, / Чудные душу порой посещают минуты. / Дух окрылен, никакая не мучит утрата, / В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата! / Близкой души предо мною все ясны изгибы: / Видишь, как были, — и видишь, как быть мы могли бы!»; «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать? / Ведь снова не пойму я ни одной страницы — / И яркий белый свет начнет в глазах мелькать, / И ложных призраков заблещут вереницы»; «И в час душевных мук мгновенно воскресили / Все, что давно-давно утрачено душой»; «В благословенный день, когда стремлюсь душою / В блаженный мир любви, добра и красоты, / Воспоминание выносит предо мною / Нерукотворные черты»; «В уединении забудусь ли порою, / Ресница ли мечта смежает мне, как сон, — / Ты, ты опять в дали стоишь предо мною, / Моих весенних дней сияньем окружен» («Неотразимый образ»); «Томительно-призывно и напрасно / Твой чистый луч передо мной горел; / Немой восторг будил он самовластно, / Но сумрака кругом не одолел»; «Эти искры в глазах и холодную дрожь / Я в бессонные ночи навек перенес» («Долго снились мне вопли рыданий твоих»); «Мелькнет ли красота иная на мгновенье, / Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю; / И нежности былой я слышу дуновенье, / И, содрогаюсь, я пою» («Нет, я не изменил. До старости глубокой...»)). Он вспоминает былое счастье и момент разлуки, испытывает чувство вины перед любимой за то, что им пришлось расстаться (ср. «За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой? Ужели помысел мне должен быть укором» («Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать»)); «К святыне я стремлюсь с тоскою безутешной / И в ужасе стыда твой образ берегу» («Неотразимый образ»); «Пред тенью милою коленопреклоненный, / В слезах молитвенных я сердцем оживу» («В благословенный день, когда стремлюсь душою»); «Зачем же с прежнюю улыбкой умиленья / Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза? / Души не воскресит и голос всепрощенья, / Не смоет этих строк и жгучая слеза» («Старые письма»); «Ты отстрадала, я еще страдаю, / Сомнением мне суждено дышать, / И трепещу, и сердцем избегаю / Искать того, чего

⁴ Все стихотворения А.Фета, указанные в статье, цитируются по изданию: А.А.Фет. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С.141–147.

нельзя понять» (Ты отстрадала, я еще страдаю»), «И лица твоего мне простили ль черты? / Ничего, ничего не ответила ты!» («Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок»); «Долго, долго мне снился тот радостный миг, / Как тебя умолил я — несчастный палач» («Долго снились мне вопли рыданий твоих»)).

Стихотворение Анненского продолжает созданную Фетом традицию описанных выше текстов. В то же время существенное отличие состоит в том, что для написания стихотворений у Фета основой послужили реальные события, у Анненского такой основы не было, в связи с чем первостепенное значение приобретает символическая составляющая стихотворения, то есть образ возлюбленной является не некоторым конкретным образом, а скорее обобщенным, причастным идеальному миру. По-видимому, это послужило причиной тому, что образовались лакуны в изображении возлюбленной и в ходе лирического сюжета.

Фетовский подтекст, который прослеживается на уровне сюжетно-композиционной структуры стихотворения, подкрепляется деталями образов, которые отсылают к его лирике.

Образ призрака передается через деталь: «С двумя кистями сиреней мая в извивах кос...». Словосочетание «извивы кос» прямо соотносится со словосочетанием «извивы волос» («Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!» («Право, от полной души я благодарен соседу», 1842)). В стихотворениях Фета «косы» часто появляются как деталь образа возлюбленной: «И, чернеясь, бегут на плеча Косы лентой с обеих сторон» («На заре ты ее не буди» (1842)); «Ты сронил диадему с румяной головки; Толстою прядью скользая, вся развернулась коса» («Целый заставила день меня промечтать ты сегодня» (1857)); «Уронила косы голова невольню» («В дымке-невидимке» (1873)); «Моего тот безумства желал, кто свивал / Эти тяжким узлом набежавшие косы» («Моего тот безумства желал, кто смежал» (1887)).

Некоторые переключки со стихотворением «Призраки» Анненского обнаруживаем в стихотворении Фета «Сны и тени...» (1859).

Так же, как и в стихотворении Анненского, у Фета «я» хочет спуститься «к переходу сокровенному», то есть перейти в некоторое другое пространство (ср. «Не мешайте мне спускаться к переходу сокровенному» у Фета и «На гравий сада я по ступеням за ней сойду» у Анненского).

Как и в стихотворении Фета, у Анненского развивается образ теней, к которым обращается лирический субъект (ср. «Сны и

тени, / Сновиденья, / Сумрак трепетно манящие, / Все ступени / Усыпленья / Легким роем преходящие, // Не мешайте мне спускаться к переходу сокровенному...» у Фета и у Анненского: «Уйдите, тени, оставьте, тени, / Со мной одну...»).

Стихотворение содержит отсылки и к другим текстам. Само название стихотворения отсылает к повести И.С.Тургенева «Призраки» (1864)⁵. В стихотворение Анненского включены некоторые детали из повести.

Прослеживается сходство текстов в описании женского образа: это бесплотный образ, сквозь который проглядывают растения (ср.: «Она недвижна, она немая, / С следами слез, / С двумя кистями сиреней мая / В извилах кос» у Анненского и «Она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана — сквозь ее лицо мне виднелась ветка, тихо колеблемая ветром, — только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блистало бледным золотом узкое кольцо» у Тургенева в 4 главе повести «Призраки»).

И в стихотворении, и в повести развивается образ тумана, сквозь который виднеется красный свет: «В тумане холод, в тумане раны / Перед зарей...» у Анненского.

В повести Тургенева Эллис представляется туманом, который окрашивается в алый цвет: «Тут я в первый раз заметил, что она перестала быть прозрачной. И лицо ее как будто окрасилось, по туманной его белизне разливался алый оттенок».

Об одном случае восприятия прозы И.С.Тургенева в лирике Анненского писал О.Ронен в статье «Идеал: О стихотворении Анненского «Квадратные окошки»⁶. В качестве главного подтекста он называет «Дворянское гнездо».

В обоих случаях в поэтический текст включается образность повествовательного текста, причем воспринимаются преимущественно наиболее яркие, необычные образы.

Вторая часть второй строфы — «Уйдите тени, оставьте тени, / Со мной одну...» — вызывает в памяти строки из стихотворения Бальмонта «Хочу» («Будем как солнце», 1902) — «Уйдите, боги! Уйдите, люди! / Мне сладко с нею побыть вдвоем»⁷.

⁵ И.С.Тургенев Собрание сочинений. В 12-ти томах. — М.: «Художественная литература», 1976—1979. Т.7.

⁶ О.Ронен. Идеал (О стихотворении Анненского «Квадратные окошки») // Звезда, 2001, №5.

⁷ К.Бальмонт. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. М., «Художественная литература», 1980.

Немаловажно указать на отсылки в рамках стихотворения «Призраки» к другим стихотворениям Анненского.

В стихотворении «В зацветающих сиренях» («На закате»), как и в «Призраках», действие происходит весной, в вечернее время. Но тогда, как в «Призраках» речь идет о предутреннем времени, в другом стихотворении говорится об уходящем дне. Лирический герой хочет побыть наедине с возлюбленной: «Побудь со мной грустна, / Побудь со мной одна / Я не допил еще тоски твоей до дна», что находит соответствие и в интересующем нас тексте. Как и в стихотворении «Призраки», в данном стихотворении развивается образ сирени. Он обозначен в заглавии, но в самом тексте не называется. Время зацветания сирени у него ассоциируется со смертью: «И знаю, кем огонь тот траурный раздут». В обоих стихотворениях присутствует образ призрака: «Я призрак, я ничей...».

Возможно, такая тесная смысловая связь текстов послужила причиной тому, что стихотворение «В зацветающих сиренях» не было включено в подцикл «Трилистник весенний».

Яркий образ зари, проглядывающей сквозь туман, которая кажется раной («В тумане раны / Перед зарей») прослеживается в следующих стихотворениях Анненского: «За розовой раной тумана» («Который»); «Серебряным блеском туман / К полудню еще не развеял, / К полудню от солнечных ран / Стал даже желтее туман, / Стал даже желтей и мертвей он» («Серебряный полдень») («Кипарисовый ларец», 1910)). В других текстах Анненского мы встречаем образ солнца, скрытого туманом: «Облака плывут так низко, / Но в тумане все бледней / Пламя пурпурного диска / Без лучей и без огней» («Хризантема» («Тихие песни», 1904)); «В тумане солнце, как в неволе» («Ноябрь» («Тихие песни», 1904)); «Солнце за гарью тумана / Желто, как вставший больной» («Пробуждение») («Кипарисовый ларец», 1910)).

Таким образом, мы видим, что стихотворение Анненского «Призраки» имеет довольно сложную подтекстовую структуру. В нем прослеживаются связи с текстами предшественников и с его собственными текстами. Мы видим, как в одном тексте совмещаются следование довольно широкой поэтической традиции тема и определенного лирического сюжета и отсылки к конкретным поэтическим и прозаическим текстам.

На уровне сюжетно-композиционной структуры стихотворение Анненского «Призраки» продолжает сложившуюся в русской поэзии традицию лирического сюжета, описывающего явление женщины. Мотив совести, являющийся одним из основополагающих в твор-

честве Анненского, сужает ее, отсылая исключительно к корпусу стихотворений Фета, многие из которых посвящены М.Лазич.

На уровне образно-мотивной структуры мы также обнаруживаем фетовский подтекст, который взаимодействует с тургеневским подтекстом и который прослеживается в плане передачи образа через деталь. Между тем Анненский, переосмысляя и лирический сюжет, и образы в символистском ключе, делает их более абстрактными.